

от 28 июня 1962

г. Ленинград

Газета №

Смена

беседует с народным артистом СССР

Игорем Александровичем Моисеевым

«ДУШОЙ ИСПОЛНЕННЫЙ ПОЛЕТ...»

После пятилетнего перерыва в наш город приехал Государственный ансамбль народного танца СССР, руководителем которого является выдающийся советский хореограф Игорь Моисеев. Гастроли ансамбля проходят с неизменным успехом.

Образцы высокого танцевального искусства говорят сами за себя и не нуждаются в комментариях. Поэтому вместо обычной рецензии мы предлагаем сегодня читателям беседу, которую наш корреспондент И. Лисочкин провел с Игорем Александровичем Моисеевым.

— На афишах, сообщающих о гастролях ансамбля, можно увидеть цифру «25». Что она означает для ансамбля и для вас лично?

— Это четверть века нашего существования... 10 февраля исполнилось 25 лет со дня первой репетиции ансамбля.

— Сейчас интересно вспомнить о самых первых его шагах...

— Первая репетиция состоялась в одном из залов московского Дома учителя. У нас не было своего помещения, и на первых порах это составляло главную трудность. Клубы, у которых мы снимали залы для репетиций, стремились как можно быстрее от нас избавиться: в творческом усердии мы ломали паркет и так сотрясали здание, что обваливалась штукатурка. Помню, как после долгих скитаний мы попали в клуб железнодорожников. Репетировали в спортивном зале, а под ним помещалась кухня клубной столовой. Мы растанцевались до такой степени, что огромный кусок штукатурки отвалился от потолка и упал в котел со шами. Разумеется, нам пришлось немедленно покинуть клуб... Но вскоре был достроен зал имени Чайковского, мы обрели собственное помещение, стали работать гораздо более планомерно и продуктивно...

— Разумеется, четверть века — огромный путь для творческого коллектива. И здесь, к сожалению, нет возможности полностью рассказать о нем. Скажите, сколько танцев было поставлено за это время?

— В нашем рабочем репертуаре — более 120 различных танцев. Некоторые из них отходят временно на задний план, затем появляются вновь. А всего было поставлено, пожалуй, значительно более 200.

— Когда к вам пришел настоящий, большой успех?

— В этом смысле наша история проста, незатейлива. Случилось как-то так, что с первого же концерта мы были поняты и тепло встречены зрителем. Успех сопровождает нас все 25 лет... Дело тут не в том, что у нас вообще не бывает творческих неудач и недоработок. Они, конечно, бывают. Но мы

не вытаскиваем их на сцену, не показываем их зрителю, не заставляем его мучиться вместе с нами. Коллектив сам является очень строгой отборочной инстанцией и не ждет, пока его кто-то покрикует и поправит со стороны.

— Выступления за рубежом также проходят успешно?

— Да. Ансамбль посетил уже 29 стран, пролетел и проехал более 500 тысяч километров. Иногда обрываются разговоры, что мы уже возвращаемся с Луны.

— Видимо, этот успех нельзя объяснить, не рассказав о главной творческой тенденции коллектива. Как она развивалась?

— Это путь от простого к сложному. Мы начинали с легких, я бы сказал, первобытных народных танцев. Творческая работа над ними носила лишь редакционный характер. Но, совершив этот первый шаг, мы начали смелее и шире вторгаться в народный материал, создавать танцы по своему замыслу. Это стало возможным, разумеется, благодаря глубокому изучению духа народного творчества. Мы перестали с ученической робостью следовать форме танца, глубже проникали в мысли и чувства, которые народ стремился передать в танце, искали самые яркие элементы и приемы для их воплощения. Таким образом, ансамбль рисовал уже не форму, а, я бы сказал, дух, внутреннюю сущность танца и мобилизовывал все средства на раскрытие народного замысла.

— Хореограф в ансамбле не является лишь обработчиком народного творчества, не просто придает ему сценическую форму, а как художник создает на народном материале самостоятельные произведения искусства. Я вас правильно понял?..

— Да. Именно это является творческой основой коллектива. Мы очень быстро поняли, что, следуя фольклору с протокольной точностью, скажем на чисто эмпирические позиции, будем лишь коллекционером, не способными развить и улучшить природу танца. Быть фотографами в фольклоре, значит никак не влиять на фольклор. Работнику искусства здесь нетрудно впасть в документализм, потонуть в спорах, в какой деревне танец танцуются правильной и в каком году какие рубашки для него надевали... А ведь главное — это мысли и чувства, которые хотел

— Мне трудно ответить, так как я не знаю творческих замыслов этих коллективов. Выражу лишь свое, личное мнение. Думаю, что слово чуждо нашему виду искусства. Ведь если вы что-то можете выразить на сцене с помощью слова, вам уже не нужно напрягать силы для пластической выразительности... Наш ансамбль был чисто танцевальным, таким он и останется.

— Разрешите затронуть в этой беседе еще один существенный вопрос. Какой отклик получила ваша статья

«Танцевать «стилем» воспрещается», опубликованная в «Известиях»?

— Она появилась в свет в те дни, когда ансамбль находился в Болгарии. Когда я вернулся в Москву, из редакции мне сообщили, что статья получила чрезвычайно широкий отклик, в особенности у молодежи. Затем мне звонили композиторы, люди других творческих профессий, которые хотели бы принять участие в конкурсе по созданию нового танца.

— Насколько сложна эта задача?

— Речь идет о советском национальном бытовом танце, который был бы настолько силен, что мог бы выдержать конкуренцию со стороны распространенных у нас, пустивших глубокие корни западных танцев. Их никак нельзя назвать плохими, это было бы несправедливо, ограниченно, узко. Если бы западные танцы были плохи, не было бы никакой проблемы, их просто не стали бы танцевать. Мы боремся с ними не оттого, что они некрасивы, что в них нет высокого профессионального мастерства. Эти танцы этически чужды нам. Вместе со строем своих форм они несут целый строй чувств, которые абсолютно не подходят нашей молодежи, людям, прошедшим советскую школу жизни. Нам чужды пассивная томность, эротизм, любование собой. Нам нужны такие танцы, которые были бы проникнуты духом дружбы, советским динамизмом, оптимизмом, в которых жизнь и радость были бы ключом. Разумеется, создание такого танца не может быть делом узкой группы лиц. И в его создании широкое участие должна принять молодежь.

***

В заключение Игорь Александрович Моисеев записал в блокнот нашего корреспондента слова, обращенные к ленинградской молодежи:

Танец — искусство молодежи, Моисеев это душа танца, танец это выражение молодежи. Исключено наше искусство любви. Искусство танца пока они молодые. И Моисеев

выразить народ. Наш профессиональный долг — помочь ему в этом. Мне хочется привести пример разного отношения к устному творчеству народа. Были и есть любители фольклора, которые, вооружившись карандашом, записывают народные сказки. И был Пушкин, который те же сказки превратил в изумительные произведения искусства. Мы хотим учиться у Пушкина...

— Вы не полностью ответили на первый вопрос... Что принесли прошедшие 25 лет вам лично?

— Конечно, многое. Я начал работать с ансамблем довольно молодым человеком. Мне только исполнилось 30 лет. Трудности, которые я тогда испытывал, сегодня вызвали бы у меня улыбку...

— Ваш труд отмечен многими премиями — и отечественными, и зарубежными. Последняя, если я не ошибаюсь, была американская...

— Да. Это «Серебряная статуэтка» — приз, который присуждается в США за лучшие композиции на музыку. До сих пор она присуждалась только американским деятелям искусства. Я был первым иностранцем, которому посчастливилось получить ее.

— Выступления ансамбля дома, на Родине, пользуются большим успехом. Но особенный, бешеный успех встречает вас за рубежом. Как вы объясняете причину этого явления?

— Однажды мне уже приходилось отвечать на этот вопрос. Я думаю, что причина заключается в коренном отличии советской хореографии от западной. Иногда пишут, что мы поражаем зарубежного зрителя особой техничностью, виртуозностью танца. Это неверно. Нигде, как на Западе, мне не приходилось встречать столько артистов, обладающих великолепной техникой. В Лондонском мюзик-холле, например, я видел танцовщицу, которая выполняла 120 фуэте подряд на хрустальном бокале. Думаю, что такое упражнение не под силу даже нашим лучшим танцовщицам. Но... иностранная артистка ничего не выражала своими фуэте, она выполняла их как манекен-автомат. А теперь вспомните, как великолепно сказал Пушкин о «русской Терпсихоре»: «Душой исполненный полет!».. Для русской, для советской хореографии характерны высокая эмоциональность танца, богатство мыслей. К этому-то и не привык западный зритель. Когда мы обрушиваем на него шквал мыслей, эмоций, чувств (а язык танца не требует перевода), не удивительно, что он приходит в восторг.

— За последнее время в профессиональных коллективах можно наблюдать перемену: песня начинает сопровождать танец, а танец — песню. Считаете ли вы это слияние жанров закономерным?